

личная". Так же трудно, если не труднее, представить себе человека, который любит, неторопливо беседуя с собутыльниками, за этой самой "Столичной" встречать бодренький веселый рассвет. Зимой вечеринка обычно начинается в темноте и в темноте же заканчивается - даже если на дворе семь часов утра очередного дня. Уюта и душевной близости в этом случае наблюдается не в пример больше, а нервозности - меньше. Что в наше время необычайно ценно. Собственно, зима кончилась. И если вы не успели насладиться всеми чудесными вещами, о которых шла речь выше, то придется теперь подождать - всего каких-нибудь девять месяцев. За это время у вас может появиться сын. Или, скажем, дочь. Новые футболки. Солнечные очки. пляжные сандалии. Желание снова оказаться в этом замечательном времени года, когда так хорошо любоваться видами, сидя к ним спиной.

* * *

ст. Л. <Я еще никогда не был так далеко от Рима, а свежесть молодости, между тем, заметно убывает>.

З. Фрейд.

Данное утверждение, вне всякого сомнения, ложно.

<В детстве у меня над кроватью висела карта Мира. Каждое утро я просыпалась и смотрела на нее>. <И втыкала булавку в Москву>.

Конечно же, мы всегда правы. Даже когда наши утверждения являются заведомо ложными. В этих случаях особенно правы. Хотя - поди докажи.

<Мне снился сон: <Что такое закон физики?> - спрашиваю я, учитель, ученика. <Закон физики, - отвечает он, - это страж, интерпретатор, стоящий на границе реального мира>.

Я до сих пор не совсем понимаю, что он имел в виду. Но уверенность, с которой он говорил (моя собственная, в сущности, уверенность: ведь это мой сон) - гораздо важнее гипотетического смысла.

Безапелляционность - деноминатив апелляции, *nomen suptum*, как сказал бы Абельяр. Три необходимых условия деноминатива - реальная причастность или реальный смысл деноминативного соответствия; очевидная необходимость наличия сходного корня; наконец, трансфигурация, т.е. устойчивость и грамматическая самостоятельность производного - соблюдены. Апелляция в привычном языке - жалоба, обращение с требованием справедливости, ссылка на авторитет и так далее. <Деноминация, - пишет Ансельм из Кентербери, - есть то, что переносит речь от ближних и соседних выражений. Посредством нее можно помыслить вещь, не называемую собственным именем>. Итак, собственного имени предмет разговора не имеет. Речь идет, таким образом, об апофатической категории.

<Right becomes wrong, left becomes right>. Категория истинности тесно связана со структурой пространства не только в германских языках. Мера приближенности или удаления, отчуждения или родства: категорий соответствия, релевантности личности и мира. Безапелляционность - точное знание того, в какой именно точке координатной сетки мы находимся.

- Так что же ты, писатель, *writer* (*left*...)? - Когда я достигаю соответствия идеи и <тела> текста, сомнения и жалобы, необходимость в аксиологических подпорках - отменяются раз и навсегда.

Между тем, ясно, что истинность или ложность текста-высказывания может рассматриваться только в пространстве самого текста, -

просто, поскольку высказыванию типа <И не заболел до утра тайный том>, никакое событие первой реальности сопоставлено (во всяком случае, однозначно) быть не может. Поэтому критерий истинности рефлексивного текста если и может вообще быть найден, то только в нем самом. Автор же здесь - завышенная сверхличность, носитель абсолютной истины, определяющий структуру отношений объектов и предикатов в реальности произведения. Только он и может судить об истине, имеет полное право на отсутствие сомнений в собственной правоте.

Особенно часто сомневаются в своих словах

говорить...)

Что же касается Рима... Точка, где Эрос пространства превращается в Логос, многовариантность и неуверенность - в инвариантность и безапелляционность. Единственное место в мире, достигнув которого можно без колебания сказать: <Я пришел. Я здесь>.

Можем ли мы говорить о связи категории безапелляционности со свободой? Абсолютная свобода предполагает и безапелляционность, что, несомненно, вступает в противоречие со сферой этического. В нашем случае - со сферой внутренней этики текста. Насколько <персонажи> имеют право на самостоятельные поступки и свободный выбор? Насколько они являются автономными, а текст, соответственно - гомеостатической или самоподдерживающейся системой? Это противоречие разрешается просто. Автор утрачивает безапелляционность в тот самый момент, когда в его отношения с текстом вмешивается третий - читатель. Он также является соавтором текста. Но очевидно, что по праву аристотелевой логики безапелляционностью может быть наделен только один. Безапелляционность переходит в этом случае в противоположную категорию, причем относящуюся уже не к автору, а к самому тексту - во множественность толкований.

Шалуйтесь, шалуйтесь - как сказала однажды эскалаторная тетя в переходе с кольцевой <Белорусской> на радиальную. Уж кто-кто, а эскалаторные тетечки знают, чем кончаются шалости в отсутствие твердой почвы под ногами. Пропусти этот абзац, читатель. Ты, конечно же, поймешь все неправильно: окажется, что я ввел тебя в заблуждение, а это невозможно, не может быть.

Едва ли можно говорить о наличии формальной последовательности упомянутых выше взаимных переходов. Мы имеем нечто вроде приключений Алисы в интерпретации Делеза - непрерывное и самодостаточное становление, чистый процесс, степень и природа динамичности которого определяет, на самом деле, биографию автора, текста, читателя, работников издательства, продавцов магазинов, журналистов с полосой <Искусство> газеты <Сегодня>. Все люди становятся постепенно персонажами всех текстов, а персонажи, напротив, людьми. Big Bang, Большой Взрыв, Аннигиляция

интерпретаций, вспышка света, в которую превращается Алиса, пересекающая поверхность зеркала - вот что находится в начале и в конце этого пути.

<В детстве у меня над кроватью висела карта Мира. Каждое утро я просыпалась и смотрела на нее. И втыкала булавку в Москву. До сих пор Мир стоит у меня перед глазами, как высохший цветок бессмертника>.

Ибо все, написанное человеком - как бы чернила, на седьмой день выцветают. <Как дети наши нас, так и мы, не оглядываясь, покинули бытие>. В тот самый миг, когда наши книги представляются сущими, они, на самом деле, не суть, ибо от того, кто поистине есть, далеки> или <словно птица, парящая в воздухе: никакого следа пути ее не отыскать>.

Я устал говорить правду. Меня тошнит от одного вида монетки, как всегда уставившейся в весеннее небо двумя парами слепых глаз игрушечного орла. Я никогда еще не был так далеко от Рима.

апр.-май 96

Татьяна Кудрина. "Равновесие".

женщины определенного возраста, которых одной мой знакомый маленький мальчик называл <полустареньким>. Почему - Бог весть. Возможно, все дело во времени, остром внимании женщины к деталям стареющего на глазах Мира. Об этом, впрочем, речь пойдет ниже.

Бесплатный сыр все еще встречается - но только на столах некоторых северно-европейских стран. <Новый англо-русский словарь> (Москва, Русский язык, 1995, с.29): *appellation* - имя, название. Быть носителем абсолютной истины текста, по праву (пусть даже и сомнительному) присвоить себе категорию безапелляционности, означает отречься от собственного имени. Все названное - сомнительно, почему Он и говорит о себе просто: <Я есть Тот, Кто Есть>. Обратите внимание также и на фонетическое родство со словом <apple>. Истине иметь подобные ассоциации не пристало. (<Китайское> же яблоко, заметим в скобках, делится на равные полупрозрачные дольки - дискретность познания снимает библейскую дихотомию типа <или-или>. Потому и безапелляционность там носит несколько иной характер - абсолютно верно только то, что все утверждения, включая и последнее, ложны. Я утверждаю это с полной уверенностью. Да что там